

Н. Н. ЛЫСЕНКО

**КРАСНЫЙ ТЕРРОР РЕЖИМА РКП(Б)
НА КУБАНИ В ПЕРИОД МАЛОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1920-1922 ГОДОВ**

Жесточайший государственный террор, обрушенный на казаков Войска Донского во второй половине 1920 года подразделениями Красной армии и спецотрядами ВЧК, оставлял на месте казацких хуторов и станиц пустыню. *«Каждый раз от затеянной контрреволюционерами гражданской войны страдало рядовое казачество, — размышлял в сентябре 1920 года Лев Троцкий. — Дон обезлюдел. А если бы Кубань решила идти по пути Дона, то есть по пути новых и новых восстаний, ее постигла бы та же участь»* [1]. Председатель Реввоенсовета РСФСР в данном случае с особым цинизмом — искренне и весело —

издевался над неизбывным горем славянского большинства покоренной большевиками России. Уж кто-кто, а Лев Троцкий был прекрасно осведомлен, что казачья Кубань страдала от страшной политики демоцида режима РКП(б) ничуть не в меньшей степени, чем казачий Дон.

Массовый террор и этнические чистки, которые методично осуществляли в начале 1920-х годов подразделения РККА и органы ВЧК в горной Кубани (Баталпашинский и смежные отделы ККВ) по уровню немотивированной жестокости ничем не уступали действию административно-карательного механизма большевиков на Дону. Впрочем, и на остальной территории бывшего Кубанского войска политика уничтожения казачьего народа осуществлялась в таких же широчайших масштабах. *«По мере того, как силы Врангеля в Крыму слабели, — отмечает в этой связи Н. В. Кратова, — Советская власть, наоборот, укрепляла свои позиции на Северном Кавказе, приступая ко все более активным действиям, направленным против казачества»* [2]. Историк подчеркивает, что в конце Гражданской войны директива «окончательного решения» по ликвидации казачьего этнополитического фактора исходила из большевистского Кремля, а практические мероприятия по организации государственного террора координировались как региональными, так и центральными органами советской власти.

Оккупационная логика действий режима ВКП(б) на Кубани хорошо просматривается в региональной кадровой политике большевиков. В первую «тройку» партийно-политического руководства Кубано-Черноморского обкома не вошло ни одного казака по этническому происхождению, хотя среди региональной партийной верхушки ВКП(б) находились весьма заметные казачьи коллаборанты. Ведущими функционерами советской власти на Кубани стали в эти годы великорус В. Н. Касаткин, еврей М. С. Эпштейн и И. И. Гольдман. С марта 1920 года, сразу же после оккупации Красной армией большей части Кубани, «екатеринбургский мясник», член Оргбюро ЦК РКП(б) Александр Белобородов был назначен секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), т. е. стал осуществлять высшее руководство всеми парторганизациями Северного Кавказа. Результатом этого назначения стали потоки крови казачьего населения Дона, Кубани и Терека.

Официальные документы советской власти: доклад члена коллегии ВЧК М. И. Лациса и отчет особоуполномоченного ВЧК К. И. Ландера (декабрь 1920 года) убедительно показывают, что уже в первой половине 1920 года на Дону и Кубани большевики создали жесточайший военно-оккупационный режим [3]. Донские и кубанские районы Присуда были поделены на оперативные сектора, секции и подсекции. В каждой подсекции действовали «особые тройки», созданные чекистами, задачей кото-

рых стало «выявление врагов советской власти», поголовное разоружение казачьего населения и массовый внесудебный террор. Чекистские «тройки» творили невероятные по жестокости зверства, а кровавые методики демоцида при кураторстве А. Г. Белобородова стали основным языком коммуникации «народной» советской власти с ограбленным, запуганным, нравственно истязаемым казачьим населением. Офицеров-казаков даже самого низшего звена, например урядников, поголовно обявывали регистрироваться, а затем арестовывали и под конвоем чекистов отправляли на север, в Великороссию. На пересыльных этапах многих казаков бессудно расстреливали при отделах ВЧК-ОГПУ или на железнодорожных станциях. По прибытии на Русский Север всех их ожидали концлагеря и в большинстве случаев смерть от пуль конвоиров и расстрельных команд. Та же участь постигла казачью национальную интеллигенцию и священнослужителей. У оставшихся станичников взяли на учет буквально все: товарный хлеб, кормовое зерно и сено, лошадей, рогатый скот, свиней, овец, домашнюю птицу, даже пчелиные семьи. Большевистские мытари определили норму расходов для каждой казачьей усадьбы, а на использование продуктов питания и сельскохозяйственного сырья сверх нормы наложили строжайший запрет. *«В станицах процветал сыск, — со скорбью пишет казачий историк П. Н. Стрелянов-Калабухов, — у казаков отбирали строевых лошадей, седла и обмундирование (оружие сдано раньше). В конце апреля 1920 года приступили к насильственным реквизициям хлеба и рогатого скота. Большевистская милиция грабила, убивала, расстреливала, многих казаков выдавали местные бездомные [доносчиками являлись «иногородние», а цель доносов — вселение в опустевшие дома депортированных семей. — Н. Л.]» [4].*

Ненависть к большевикам подвигла на яростное, но заведомо обреченное сопротивление всю казачью Горную Кубань, прежде всего — Баталпашинский отдел ККВ (станции Баталпашинская, Кардоникская, Зеленчукская, Передовая, Сторожевая, Преградная, Удобная, более 50 хуторов). К концу июня 1920 года казачье национальное восстание уже охватило Майкопский и равнинный Лабинский отделы Кубани. Повстанческая «Армия возрождения России», под командованием генерал-майора М. А. Фостикова летом-осенью 1920 года очистила от оккупационных войск РККА значительную часть Горной Кубани. В станицах восстанавливались традиционные казачьи формы правления, выбирались атаманы и Советы стариков. В отместку в июле 1920 года чекисты зверски убили родственников Михаила Фостикова — всех, кого только сумели арестовать: ветхую, уже слепую бабушку генерала, его престарелого отца, старшую сестру-вдову с шестью детьми, еще несколько дальних родственников. Практику бессудных расстрелов родственников

известных вождей повстанцев органы ВЧК применяли в 1920-х годах весьма широко. В этом же 1920 году были расстреляны как заложники родители и двоюродные братья известного кубанского командира повстанцев полковника М. Н. Жукова, отряд которого дислоцировался в Приазовских плавнях. Чуть позже чекисты расстреляли отца и мать другого известного повстанческого атамана, хорунжего В. Ф. Рябокони [5].

Долгое время выдерживать натиск Красной армии, многократно превосходящей их в силах и средствах, повстанческие отряды М. А. Фостикова, испытывающие острый дефицит боеприпасов и фактически не имеющие ствольной артиллерии, конечно же, не могли. В сентябре 1920 года формирования «Армии возрождения России» были вытеснены красными в район Адлер-Сочи, а затем эвакуированы в Крым кораблями генерала Врангеля. А во всех казачьих станицах так называемой Кубано-Черноморской области на полную мощь заработала страшная машина государственного террора советского режима. Представление о четкой спланированности, внесудебности и, как следствие, чрезвычайной кровопролитности этих актов демоцида может дать публикуемый ниже документ 9-й армии РККА (орфография и пунктуация документа сохранена). Следует отметить, что термин «бандиты» в директивах и приказах 9-й армии РККА (равно как и в других документах РКП(б), РККА и ВЧК-ОГПУ в 1920-х годах) в большинстве случаев означал восставших против советского режима этнических казаков. Впоследствии, в период коллективизации, этот термин распространили вообще на всех повстанцев, вне зависимости от их национальности, которые выступали с оружием в руках против Советского государства.

**Сведения о применении репрессий к населению станиц,
которые были заняты бандами белых, и их результаты
с 1-го по 20-е сентября 1920 года**

Совершенно секретно. Переписка оперативного характера.

1. Какие и в каких станицах были применены репрессии с 1-го по 20-е сентября 1920 года, в чем они выразились, количество расстрелянных.

2. Отношение населения станиц к Советвласти до наступления и применения репрессий, во время наступления и прим. репрессий в настоящее время.

3. Количество добровольно вернувшихся бандитов с оружием и без оружия.

4. Что еще желательно было бы сделать для окончательного нашего закрепления на Кубани.

100-я бригада:

1. Ст. Кужорская — все семьи бандитов выселены в Майкоп. Разстреляно 18 бандитов.

Ст. Махошевская — конфисковано имущество бежавших к бандитам и разстрелян 1 человек.

Ст. Костромская — разстреляно 6.

Ст. Ярославская — конфискация имущества бежавших, разстреляно 5 человек.

2. До наступления [РККА. — Н. Л.] и применения репрессий отношение казачества к Советской власти было враждебное, а среди иногородних сочувствующее. После репрессий настроения казачества покорное, а иногородних — сочувствующее.

3. Ст. Кужорская. Вернувшихся без оружия 9 человек. С оружием — ни одного.

Ст. Махошевская. Вернувшихся без оружия — 228. С оружием — 5 человек.

Ст. Ярославская. Вернувшихся без оружия 60 человек. С оружием — ни одного.

101-я бригада:

1. Ст. Хадыженская — обстреляна артогнем.

Ст. Кабардинская — обстреляна артогнем, сожжено 8 домов, разстр[еляно] 2 человека.

Хутор Кубанский — обстрелян артогнем.

Ст. Гурийская — обстр. артогнем, взяты заложники.

Ст. Черниговская — обстреляна артогнем, сожжено 3 дома.

Ст. Пшехская — обстреляна артогнем, взяты заложники.

Ст. Бжедуховская — сожжены 60 домов.

Ст. Мартанская — сожжено 9 домов.

Ст. Апшеронская и хутор Куринка обстреляны артогнем, при чем в последнем сожжен — дом атамана.

2. До применения репрессий население станиц к Советвласти было настроено враждебно, во время же применения репрессий и после таковых дало обещание всецело поддерживать Советвласть. За исключением ст. Бжедуховская, Мартанская и Черниговская, которые до сего времени настроены враждебно и контрреволюционно к Советвласти.

3. Добровольно вернулось без оружия 29 и с оружием 25 человек.

Лаб[инская] группа:

1. Ст. Чамлыкская — разстреляно 23 чел.

Ст. Родниковская — разстреляно 11 чел.

Ст. Лабинская — разстреляно 42 чел.

Ст. Мостовая и Зассовская — 8 человек [расстрелянных].

Ст. Каладжинская — 12 человек.

Ст. Псебайская — 48 человек.

Ст. Андроновская — 16 человек.

Кроме того, разстреляны полками при занятии станиц, которым учета не велось.

2. Отношение населения станиц до применения репрессий было антибольшевицкое, вследствие чего явился поголовный уход жителей в горы со всем имуществом. После применения репрессий жители понемногу начали возвращаться в станицы и относиться к Советвласти безразлично покорно, как побежденные.

3. Вернулось без оружия в ст. Владимирская — 108 человек.

[Неразборчиво] группа:

1. Ст. Тульская — конфисковано имущество и произведены аресты.

Ст. Ханская — разстреляно 100 человек, конфисковано имущество и семьи бандитов отправляются в глубь России.

2. Отношение населения станиц до применения репрессий было враждебное к Советвласти, в настоящее время население понемногу принялось за работу.

3. Вернулось 38 человек, из которых один с оружием. Вернулся 1 бандит.

4. Общий вывод: *желательно проведение в жизнь самых крупных репрессий и поголовного террора на контр-революционные станицы [выделено карателями 9-й армии РККА. — Н. Л.] [6].*

Очевидно, что в данной сводке в число «разстреляных» внесены лишь те повстанцы, которых красные уничтожили в ходе карательных мероприятий уже после фактической оккупации станиц войсками РККА. Ликвидация людей производилась, по-видимому, по решению полковых трибуналов РККА или органов ВЧК. Потери повстанцев и число жертв среди мирного населения во время обстрела станиц из артиллерийских орудий в данной сводке не учитывались. Известные сведения об аналогичных событиях оккупации позволяют предположить, что именно первичный штурм красноармейцами восставших станиц сопровождался наибольшим кровопролитием — причем не столько с целью покарать повстанцев (большинство которых скрывалось в горах и плавнях задолго до захвата селений), сколько с целью сокрытия фактов разнузданного грабежа и насилий над женщинами.

Исходная инициатива, главная директивная установка на уничтожение казачьего населения, бесспорно, принадлежала центральным структурам РКП(б). В казачьи регионы эта установка передавалась, вероятно, сразу по нескольким каналам, причем реакция административно-карательного механизма РКП(б) зачастую запаздывала по отношению к соответствующей реакции большевистской прессы. С конца июля 1920 года на территории Кубанского войска быстро начинает раскручиваться маховик массового государственного террора. Подготавливая общественную атмосферу всеобщего страха перед жесточайшим насилием специальных отрядов РККА и ВЧК, красная пресса начинает открытым текстом запугивать казачье население. Так, например, 1 августа 1920 года в статье «От слов к делу» газета «Баталпашинская правда», пропагандистский рупор Ревкома РКП(б) Баталпашинского отдела, предупреждала местных казаков:

«...Приказ № 18 указывает всему населению [Кубани], что Советская власть разгромила во всех концах своих многочисленных врагов, указывает на непобедимую силу Советской власти и вместе с этим говорит о той бессмысленной аванюре, которую повсюду на Кубани затевают оставшиеся агенты Деникина в лице различных палачей, офицеров и казаков [судя из контекста слово «палач» являлось у большевиков синонимом слов «офицер» и «казак». — Н. Л.]».

На территории нашего отдела тоже затевается глупейшая аванюра гражданской войны [речь идет о повстанческой борьбе казаков. — Н. Л.]. Эта аванюра вне всякого сомнения будет ликвидирована — силою указанных мер в приказе и силою Красной армии бандиты и их пособники будут уничтожены. Вплоть до превращения в пепел станиц [N. В. — Н. Л.]. Советская власть будет беспощадно вытравливать корешки и хвостики деникинской затеи.

Колеблющимся и тайным пособникам бандитов следует трижды прочесть приказ № 18 и в предоставленный им последний час выбрать определенно — или рука об руку с Советской властью или открыто против нее.

Мы переходим от слов к делу» [7].

К жуткому, кровавому делу массовых внесудебных расстрелов казачьего населения в оккупированных Красной армией районах Кубани и Черноморья большевики перешли весьма оперативно. С маниакальным цинизмом (вспомним аналогичные публикации в листовках оккупационных властей Третьего рейха), начиная с августа 1920 года, большевики стали публиковать в своих газетах сведения не только о фактах состоявшихся расстрелов, но и длинные списки фамилий и имен уничтоженных

ими людей. Практически каждый выпуск кубанских газет в этот период имеет раздел с сообщением о произведенных расстрелах «бело-зеленых» казаков и офицеров. Уже 4 августа «Баталпашинская правда» опубликовала списки первых 20 расстрелянных повстанцев [8]. Центральные региональные издания РКП(б) в деле нагнетания в сердца людей чувства ужаса и безысходности не отставали от районных листков агитпропа. Например, 5 августа 1920 года газета «Красное знамя», издаваемая большевиками в Екатеринодаре, с особым кликушеским пафосом сообщала:

«Враги Советской власти делают попытку восстания на Кубани.

Они хотят восстановить самодержавный царский режим.

Они хотят отнять у трудящихся землю и вернуть ее кулакам и помещикам.

Они хотят утопить в крови все завоевания трудящихся.

Но этому не бывать! Советская власть окрепла и уничтожит все происки богачей.

Российскую советскую Республику поддерживают рабочие и крестьяне всего мира.

Всякое сопротивление кулаков бессмысленно, потому что они будут беспощадно раздавлены Красной армией и сознательными рабочими.

Все, кто дерзнет поднять руку на Красную армию, будут беспощадно расстреляны.

СПИСОК

расстрелянных за вооруженное выступление против Советских войск в ст. Григорополиской:

1. Кривенцов Яков. 2. Татков Иван. 3. Котлов Семен. 4. Соколов Александр. 5. Тиханов Александр. 6. Котлов Михаил. 7. Орлов Сергей. 8. Хрусталева Филипп. 9. Разниченко Иван. 10. Корольков Яков. 11. Костякин Дмитрий. 12. Головинский Василий. 13. Менервин Филипп. 14. Золотов Клементий. 15. Кленка Валентина. 16. Кленк Александр. 17. Филимонов Василий. 18. Агледзе Георгий. 19. Шершнева Яков. 20. Паньков Василий. 21. Шелинкин Иван. 22. Рожновкин Никита. 23. Колесников Михаил. 24. Корнеева Анна. 25. Овечников Федор. 26. Чернявский Валентин. 27. Зотов Иван. 28. Корнев Петр. 29. Сосов Аникей. 30. Шебаршин Федор» [9].

18 августа «Красное знамя» сообщает о расстреле очередной группы кубанских повстанцев — 84 «контрреволюционера» были отправлены палачами ВЧК «в ставку Духонина» по обвинению в антисоветской деятельности. 21 августа 1920 года эта же газета сообщила, что 15 августа

Кубано-Черноморская ЧК вынесла расстрельный приговор 18 «бело-зеленым», который уже приведен в исполнение. 22 августа «Красное знамя» вновь публикует длинный список расстрелянных казаков, на этот раз «народная» советская власть уничтожила 88 человек [10]. По подсчетам историков А. А. Черкасова и О. Ю. Чекереса, только в течение августа 1920 года (согласно информации в красной прессе) карательный механизм Советского государства уничтожил на Кубани не менее 240 человек. Исследователи подчеркивают, что «разумеется, это далеко не полные цифры жертв красного террора» [11].

С небольшим опозданием по отношению к развернувшейся агитпроповской кампании по запугиванию казачьего населения, Всероссийская чрезвычайная комиссия 10 августа 1920 года обнародовала свою специальную телеграмму, адресованную *«населению Кубанской и Терской областей, Ставропольской губернии и Черноморского побережья»*, т. е. прежде всего этническим казакам. В этом документе чекисты констатировали, что советская власть столкнулась на Северном Кавказе с массовым «бело-зеленым бандитизмом» (читай — казачьим и горским национально-освободительным движением), с захватом «бандитами» оружия и даже целых станиц, с повсеместным истреблением советских и партийных работников. К борьбе с повстанцами ВЧК призвала все «трудовое население Кубани и Черноморья», под которым, хорошо зная эвфемистский сленг большевиков, современники легко угадывали «иностранную» переселенческую массу, всегда готовую поддержать советскую власть в ее борьбе с «народом-помещиком» и горцами. Одновременно в этом же документе чекисты перечислили методы «беспощадной расправы», которые будут обрушены на казачье население Северного Кавказа в случае дальнейшей поддержки станичниками «бело-зеленых» повстанцев. Чекисты предупреждали, что станицы и аулы, которые укрывают «бело-зеленых», будут уничтожены, а все взрослое население в них — расстреляно. Все лица, оказывающие то или иное содействие повстанцам, — будут расстреляны. Родственники повстанцев, взятые на учет структурами местной ЧК, в случае продолжения антисоветской борьбы в окрестностях их станиц, должны быть арестованы и расстреляны. В случае массовых антисоветских выступлений станиц и городов Северного Кавказа ВЧК угрожала красным классовым террором — *«уничтожением за каждого убитого красноармейца или советского работника сотен лиц, принадлежащих к буржуазным слоям»* [12].

Немедленно после оккупации Кубани и Черноморья подразделениями РККА, советская власть озаботилась устройством здесь (как ранее на Дону) концентрационных лагерей. Во второй половине 1920 года основ-

ную функцию по «переработке» намеченного к уничтожению населения выполнял Краснодарский концентрационный лагерь, а также огромная тюрьма-концлагерь в станице Славянской. Вскоре, в связи с массовыми «изъятиями» заложников и необходимостью обеспечить их планомерный «расход», этих «мощностей» стало явно не хватать. Тогда, 16 января 1921 года большевики организовали еще два концентрационных лагеря — в Новороссийске и Армавире [13]. Здесь, как отмечают специалисты, также осуществлялись массовые казни повстанцев и заложников, — число уничтоженных людей исчислялось многими сотнями [14].

В июне-июле 1920 года на территории Кубано-Черноморской области большевики перешли к практике ареста заложников в тех станицах, которые внушали им опасения своей антисоветской настроенностью. Право на захват заложников в среде «народа-помещика» присвоили явочным порядком буквально все структуры административно-карательного механизма советского режима. *«До марта 1921 года взятие в заложники на Кубани и Черноморье происходило самочинным путем, — констатируют А. А. Черкасов и О. Ю. Чекерес. — Право на взятие имели все советские органы, включая местные станичные ревкомы. Заложников, если в населенном пункте не имелось арестного дома, отправляли в Краснодарский концентрационный лагерь».* Когда же чекисты убедились, что даже превентивные расстрелы не способны остановить развитие повстанческого движения в казачьих районах Юга России, местные оккупационные структуры РККА и ВЧК получили установку перейти к массовым арестам и расстрелам заложников буквально по разнарядкам и площадям [15].

9 марта 1921 года член Реввоенсовета 9-й Кубанской армии Моисей Эпштейн санкционировал первую централизованную операцию по аресту заложников в 20 населенных пунктах Кубани. В приказе, завизированном Эпштейном и вышедшем под совместным грифом РВС 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморского облисполкома, предписывалось:

«1. Немедленно по получении сего приказа на местах взять в качестве заложников, в числе от 5-ти до 10-ти человек, лиц из кулацких элементов и вообще враждебно настроенных против Советской власти в следующих городах и станицах:

Ново-Нижестеблиевской, Старо-Джерелиевской, Степной и Ивановской — Славянского отдела; гор. Ейска, Албанской, Новоминской и Староминской — Ейского отдела, Кубанской и гор. Майкопа — Майкопского отдела; гор. Баталпашинска и Темнолесской — Баталпашинского отдела; Усть-Лабинской и Тихорецкой — Кавказского отдела; Эриванской, Баканской, Ключевой, Мартанской, Бжедуховской и Куцевки — Краснодарского отдела.

2. Заложников содержать в отделениях особого отдела армии на местах или в местных отдельных чрезвычайных комиссиях, где указанных отделений не имеется.

3. О каждом вынесенном смертном приговоре и о причинах его вызвавших немедленно, по выяснении, доносить телеграфом в Реввоенсовет армии и Кубчерисполком.

4. Приговор должен приводиться в исполнение через 48 часов после его вынесения, если за это время не последует особого распоряжения Реввоенсовета армии и Облисполкома о его приостановлении» [16].

Через несколько дней эта людоедская инициатива М. С. Эпштейна, санкционированная, очевидно, в Кремле, получила дальнейшее развитие в секретном циркулярном приказе Реввоенсовета (РВС) 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморского областного исполкома (КЧО ИКС) № 393 от 15 марта 1921 года. В данной директиве, заверенной подписями временно исполняющего дела командующего 9-й Кубанской армией Чернышева, члена РВС Эпштейна, зампреда облисполкома Галактионова, временно исполняющего дела начальника Штаба СКВО Кондратьева, в частности, отмечалось:

«...Некоторые элементы из кулацкого населения [советский эвфемизм, обозначающий казацкое население. — Н. Л.] в своих мечтах о возврате помещика и капиталиста к власти вместо того, чтобы заниматься мирным созидательным трудом, сознательно поддерживают бело-зеленых бандитов, нападающих на мирные станицы и на одиночно следующих красноармейцев и советских работников.

Эта поддержка путем снабжения бандитов продовольствием, предоставлением убежища, поддержанием связи способствует размножению банд, успешности их к разрушительной работе.

РВС и КЧО ИКС приказывает:

1) начдивам и военкомдивам и командиру Кубанской отдельной стрелковой бригады (в пределах их районов) и отдельским исполкомам, по взаимному соглашению, немедленно взять из станиц, хуторов и аулов, оказывающих поддержку бело-зеленым бандитам, заложников из кулацких элементов;

2) широко оповестить население станиц и хуторов, что в случае убийств или ограбления красноармейцев и советских работников будет расстреляна часть заложников станиц, хуторов и аулов, в районе которых произошло преступление;

3) расстрел заложников производить по совместному еди-ногласному решению начдивов, военкомдивов или комбрига Кубанской и отдельных Предисполкомов;

В случае разногласия этим лицам обращаться в Реввоенсовет 9 и Облисполком для получения окончательного решения;

4) о каждом случае расстрела заложников и причин, вызвавших это, широко извещать население, немедленно донося Реввоенсовету 9 и Облисполкому.

Приказ ввести в действие по телеграфу» [17].

В тот же день, 15 марта 1921 года, приказ № 393 получил дальнейшую детализацию в секретной директиве № 394, которая вышла под совместным грифом РВС 9-й Кубанской армии и Кубано-Черноморского облисполкома и фактически дословно повторяла первоначальную установку М. С. Эпштейна от 9 марта. Приказы № 393 и 394 толкнули новую волну государственного террора Советской России против казаков. Так, несмотря на то, что в Кавказском отделе бывшего Кубанского войска в марте 1921 года практически не регистрировалось действий казаков-повстанцев, здесь — в станциях Тифлисской, Казанской, Кавказской, Новобекешевской, Тихорецкой, Новопокровской и Темижбекской, отряды ВЧК взяли заложников.

Заглушить национально-освободительную борьбу казаков даже такими чрезвычайными мерами, как арест родственников повстанцев с последующим доведением безвинных людей до гибели в концентрационных лагерях, тем не менее не удалось. С приходом весны и, соответственно, с возвратом зеленой листвы, скрывающей походные лагеря и тропы повстанцев, атаки не смирившихся с поражением в Гражданской войне казаков на опорные пункты и коммуникации красных существенно активизировались. В ответ режим РКП(б), не ведающий иных решений, кроме жесточайшего террора, распространил античеловеческую практику заложничества на женщин и детей казаков.

Следует подчеркнуть красной линией, что в третьем десятилетии XX века систематическое государственное насилие над детьми и женщинами в целях обеспечения административного или военного контроля на каких-либо территориях однозначно осуждалось (и не допускалось!) во всех цивилизованных странах мира даже при ведении боевых действий против внешнего врага. Впоследствии, после Второй мировой войны, подобные деяния были юридически расценены мировым сообществом как квалифицирующий признак события геноцида — преступления против человечества. Однако, большевики, как со знанием дела пояснял их вождь Владимир Ленин, и в вопросах общечеловеческой законности предпочитали «идти своим путем» — заведомо преступным. Новый совместный приказ Рев-

военсовета 9-й армии и Кубано-Черноморского облисполкома № 693 от 7 мая 1921 года четко и недвусмысленно предписывал «в нужных целях» захватывать в заложники семьи так называемых «бандитов»:

«...Наглость бандитов не прекращается. Решив раз и навсегда положить конец бандитизму и вывести окончательно эту заразу, в исполнение и развитие ранее отданных приказов (№ 393, 394 и 675/1131/оп) Революционный Военный Совет IX армии и Кубанско-Черноморский Областной Исполнительный Комитет Советов приказывают:

Кроме заложников из кулацкого элемента и враждебно настроенного против Советской власти населения, в нужных целях применять репрессии к семьям бандитов, предоставив для применения таковых лицам, указанным в пункте 1 приказа 675/1131/оп.

Приказ ввести в действие по телеграфу» [18].

После вышеприведенной директивы о захвате в заложники семей повстанцев число заключенных в концентрационных лагерях Кубани быстро достигло огромных масштабов. Одновременно росло число жертв бессудных расстрелов по приговорам, вынесенным начдивами и военкомдивами. По подсчетам историков А. А. Черкасова и О. Ю. Чекереса, только за три месяца, с ноября 1920 года по январь (включительно) 1921 года, и только в одном Краснодарском концлагере большевистские палачи расстреляли 720 заключенных, большую часть которых, очевидно, составляли этнические казаки [19]. Не злокозненные агенты Антанты или презираемые красным ареопагом РКП(б) пацифисты, а сами палачи-интернационалисты из ВЧК признавали в своих донесениях, что *«кулачество терроризировано в связи с массовыми расстрелами заложников»* [20]. Убедительным подтверждением того, что под эвфемизмом «кулачество» чекисты понимали прежде всего казацкое население, служит факт резкого увеличения повстанческой активности кубанских казаков весной 1921 года. Циничные издевательства, неприкрытый грабёж, гибель в кровавых застенках близких людей заставляли даже самых миролюбивых, предельно уставших от бесконечной войны станичников выкапывать из заветных тайников старенькие винтовки, чтобы мстить, вплоть до своего смертного часа, безжалостным оккупантам.

В свою очередь, режим РКП(б) демонстрировал решимость «вычистить железной рукой» любые ростки казацкой национальной инициативы, любые напоминания о былом этнополитическом значении казачества на Юге России. 12 января 1921 года Центральный комитет РКП(б) создал две специальные комиссии с целью «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма». Аналогичные партийные структуры для оперативного применения регулярных войск РККА против антисоветски настроенного гражданского

населения создавались и на региональном уровне [21]. Новое дыхание получила давняя тактика большевиков по стравливанию этнических казаков с местными диаспорами братских славянских народов. Так, например, участники закрытого заседания партийного руководства Кубано-Черноморской области 13 марта 1921 года просили Кавбюро ЦК РКП(б) (т. е. фактически товарища Белобородова) создать для борьбы с казацкими «бандитами» боевые отряды из «бывших красных партизан» (т. е. из русских «иногородних»), а также заменить сочувствующих казакам милиционеров (из числа коренных жителей региона) выходцами из центральных областей Великороссии.

Первоначально непонятная, необъяснимая с позиций православного в своей основе казацкого менталитета жестокость большевиков вызвала новую вспышку повстанческого движения. Несмотря на массовые захваты заложников и столь же массовые расстрелы их, численность казацких повстанцев на Кубани и Тереке продолжала быстро расти, достигнув своего максимума летом-осенью 1921 года. В первой декаде мая, по сведениям ВЧК, численность повстанцев, действовавших только в одном равнинном Лабинском районе Армавирского отдела Кубани, достигла 1 тысячи сабель. В более благоприятном для партизанских действий горном Баталпащинском отделе численность повстанцев в этот период достигла 2 тысяч бойцов [22]. Региональные структуры РКП(б) на Северном Кавказе признавали, что весной 1921 года на Кубани и Тереке **«сформировались целые повстанческие армии из сохранившихся бандитских кадров»** [23]. Штаб СКВО Красной армии 5 июня 1921 года в своем докладе Реввоенсовету Республики констатировал, что оперативная обстановка на территории округа стала критической: **«Южная и юго-западная часть Кубано-Черноморской области представляют собой почти непрерывный фронт борьбы шаек, причем Ейский, Краснодарский, Майкопский и Баталпащинский отделы наиболее опасны по характеру и степени развития бандитизма и требуют максимального напряжения...»** [24]. Потери красноармейцев в боевых действиях на Кавказе приближались в этот период к уровню потерь в полномасштабной войне. По данным Статистического управления Красной армии, в 1921 году безвозвратные потери регулярных частей РККА в боях против «контрреволюционных и антисоветских выступлений» на Северном Кавказе составили 9338 человек, не считая раненых и без вести пропавших солдат [25]. Низовой, очень упорный характер борьбы казацкого народа с советским режимом в 1920-1921 годы убедительно показывает, насколько бездарными в этнополитическом аспекте оказались в 1918-1919 годах руководство Белого движения и лично генерал Антон Деникин, бессмысленно растратившие на прожект «единой и неделимой России» мощный потенциал казацкой антибольшевистской интифады.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Голос трудового казака. — 1920. — 29 сентября.
2. Кратова Н. В. К вопросу о причинах повстанческого движения на Кубани в начале 1920-х гг. // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: тезисы Всерос. науч. конф., г. Ростов-на-Дону, 28-29 сентября 2010 г. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. — С. 97.
3. Сталин И. В. О политическом положении Республики // Соч. Т. 4. — М.: Политиздат, 1951. — С. 380-381; Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа. — Ростов н/Д, 1921. — С. 47-48.
4. Стрелянов (Калабухов) П. Н. Красный террор на Кубани. 1918-1920 гг. // Кубанский сборник: сб. науч. статей по истории края. Т. 1 (22). — Краснодар: Книга, 2006. — С. 449.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1: 1918-1922 гг. — М., 2000. — С. 789, 803.
6. РГВА. Управление 9-й Кубанской армии Северо-Кавказского военного округа 1918-1921 гг. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1063. Л. 28, 31; Д. 1064. Л. 38-39; Д. 1050. Л. 3, 5, 5 об., 6.
7. Редакционная передовица «От слов к делу» // Баталпашинская правда. — 1920. — 1 августа. В статье озвучивается приказ командарма 9-й Кубанской армии М. К. Левандовского от 22 июля 1920 г. с перечислением мер тотального террора против казацких станиц, в окрестностях которых действовали «белозеленые» повстанцы. См. подробнее: РГВА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 96. Л. 22, 22 об.
8. Баталпашинская правда. — 1920. — 4 августа.
9. Красное знамя (Екатеринодар). — 1920. — 5 августа.
10. Красное знамя (Екатеринодар). — 1920. — 18, 21, 22 августа.
11. Черкасов А. А., Чекерес О. Ю. К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920-1922 гг. // История и историки в контексте времени: сб. науч. трудов. Вып. 2. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. — С. 58.
12. Государственный архив города Сочи (ГАГС). Ф.Р-116. Оп. 1. Д. 10. Л. 11-12.
13. ГАКК. Ф.Р-102. Оп. 1. Д. 117. Л. 3-4 об.
14. Черкасов А. А., Чекерес О. Ю. Указ. соч. — С. 63-64.
15. См. подробнее: Черкасов А. А. Институт заложничества на Кубани и в Черноморье в 1920-1922 гг. // Вопросы истории. — 2004. — № 10. — С. 106-114.

16. Архивный отдел администрации города Новороссийска (АОГН). Ф.Р-9. Оп. 1. Д. 47. Л. 64-64 об.
17. АОГН. Ф.Р-9. Оп. 1. Д. 47. Л. 63-63 об.
18. АОГН. Ф.Р-9. Оп. 1. Д. 47. Л. 64.
19. Черкасов А. А., Чекерес О. Ю. Указ. соч. — С. 64.
20. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. — Т. 1. — С. 432.
21. ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 85. Л. 154; ГАКК. Ф.Р-102. Оп. 1. Д. 138. Л. 24 об., 25; Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р-1316. Оп. 1. Д. 8. Л. 20-23.
22. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. — Т. 1. — С. 423-424.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 453. Л. 18.
24. РГВА. Ф. 25896. Оп. 3. Д. 13. Л. 231.
25. Гриф секретности снят. — М., 1992. — С. 48-50. См. также: Баранов А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920-1924 гг.) // Белая гвардия: альманах. № 8: Казачество России в Белом движении. — М.: Посев, 2005. — С. 119-129.